

А. Ю. Дворниченко
Георгий Вернадский о советской России
(к публикации статьи Г. В. Вернадского
«Парадоксы большевизма»)

Георгий Владимирович Вернадский — крупнейший историк русского зарубежья, специалист в области «дореволюционной» русской истории. Но при этом его интересы были столь широки, что он не мог остаться равнодушным и к истории XX в, тем более, что на этот век пришлось основная часть его жизни. Открывая в 1961 г. конференцию, посвященную столетию российской внешней политики (1861–1961), он приветствовал публику как человек, проживший почти три четверти этого периода¹. Конечно, когда советская эпоха еще только начиналась, Георгию было не до анализа — он мог реагировать только на уровне симпатий и антипатий. Симпатии были, естественно, на стороне белых. В одном из писем крымского периода своей жизни он пишет: «Радость моя по поводу взятия Киева (и как хорошо, что он взят именно Доброармией, а не Петлюрой, это страшно упрощает положение)...»²

В Крыму историк руководил отделом печати в правительстве П. Н. Врангеля. Потом был долгий и трудный путь эмиграции — от Крыма и Босфора до Влтавы, а в 1927 г. он переехал в США. Здесь, как подметил Чарльз Дж. Гальперин (крупнейший специалист по Г. Вернадскому в Америке), историк оказался в уникальном положении: он мог оценивать советскую реальность с позиций глубокого знания прошлой истории России, был по происхождению связан с Россией, но мог общаться с англоговорящей аудиторией³. Так анализировать историю советского общества, как это делал Г. В. Вернадский, в России стали только в условиях перестройки. В предисловии к российскому изданию «короткого Вернадского» (так в англосаксонском мире называли книгу историка) сказано: «Что касается периода современной истории, то следует отметить, что авторская интерпретация событий в некоторых случаях отличается от понимания их отечественной исторической наукой»⁴.

Дворниченко
Андрей Юрьевич,
доктор
исторических наук,
профессор,
заведующий
кафедрой истории
России с древнейших
времен до XX века,
Санкт-Петербургский
государственный
университет
(Санкт-Петербург,
Россия)

Георгий Вернадский

Это было одно из первых сочинений историка в Америке. В первом издании российская история была доведена до 1928 г. Американские историки с восторгом встретили книжку, в частности, вторую ее часть, посвященную истории русской революции с 1905 до конца 1928 г. Эта часть оценивалась как лучшее, когда-либо появлявшееся в печати⁵, отмечалась наиболее понятная трактовка, основанная на необычайно широком круге источников, причем не эмигрантских *chroniques scandaleuses*, а вполне аутентичных советских, честная интерпретация революции⁶ — «видно, что автор не симпатизирует большевикам, но он не реакционер»⁷, удачно сравнение большевистского правления с «революцией» Петра Великого⁸. Правда, следующее издание книги (1930) вызвало определенные сомнения именно в «советской» части: Вернадского обвинили в том, что он не может избавиться от своих «антибольшевистских предубеждений»... по поводу первого пятилетнего плана⁹. Впрочем, второе издание не привлекло такого внимания, как первое. Книга, в общей сложности, издавалась пять раз (версия с бумажной обложкой, свидетельствующая о популярности книги, появилась в 1961 г.). В России пока переведено только последнее издание — 1969 г.

Фактически, сразу после начала работы в Йельском университете историк стал активно заниматься рецензированием — жанром научного творчества, весьма уважаемом в США. В обзоре новейших книг, так или иначе связанных с Россией, он рекомендовал для чтения книгу о В. И. Ленине румынского коммуниста Валерия Марку, но обвинял в идеализации образа вождя, недостаточном учете роли Германии в его борьбе, неправильной оценке красного террора и т. д.¹⁰

Не под влиянием ли этой книжки он сам взялся за биографию вождя? Впрочем, образ Ленина тогда мало кого оставлял равнодушным. Историк, как всегда, отнесся к делу очень серьезно, тем более что обстоятельства сложились весьма благоприятно. Ему представилась возможность поработать в Гуверовском институте, куда его пригласил Гарольд Фишер, ставший директором института. Целый ящик в фонде Вернадского заполнен подробными конспектами ленинских работ¹¹. Книга была написана по-русски, переведена на английский Малколмом Дэвисом¹². У нас в стране она была издана сравнительно недавно, на «гребне перестройки»¹³. Мне трудно сказать, какое место это произведение занимает в грандиозной мировой лениниане. Полагаю, что это вполне объективное, яркое и интересное повествование

о «вожде мирового пролетариата». Ряд критиков, в том числе и вышеупомянутый Ч. Дж. Гальперин, упрекают Вернадского в том, что он считает Ленина германским агентом, в чрезмерном доверии к пресловутым «документам Сиссона»¹⁴. С точки зрения современного научного дискурса можно со всей ответственностью заявить, что эти упреки безосновательны.

Вернадский, как всегда, очень осторожен в своих высказываниях. «Трудно, однако, отвести предположение, что мысль о возможности формального соглашения (с Людендорфом. — А. Д.) никогда не возникала»; «Деловое соглашение с “империалистами” никогда не представлялось Ленину предательством своих идеалов», — пишет ученый¹⁵.

Итак, Ленин в определенных обстоятельствах был готов прийти к взаимопониманию с «империалистами», в которых видел практическую пользу для коммунизма. Но приходил ли он к каким-нибудь деловым соглашениям с германским империализмом, имело ли место что-либо подобное до революции в России?

Джин Генри Бинт, директор французского детективного бюро «Бинт и Самбин», которое вело наблюдение по поручению зарубежного представительства российского Департамента полиции, 30 декабря 1916 г. направил управляющему этого представительства А. А. Красильникову рапорт. В нем говорилось, что, по сообщению детективов, 28 декабря русский революционер Ульянов (Ленин) покинул место своего проживания в Цюрихе и поехал в Берн, где вошел в здание германского посольства и оставался там до следующего дня, после чего вернулся в Цюрих.

Вопрос, соответствовало ли это сообщение фактам, может быть предметом дискуссии. Однако нужно согласиться с тем, что в соответствии со взглядами Ленина и осуществлявшейся им в ряде случаев тактикой, в принципе его переговоры с германским правительством во время войны не казались ему невозможными. Позже, перед подписанием Брест-Литовского мира, Ленин сказал, что это была для него ничего не значившая «сделка с империалистами»¹⁶. Думаю, что этого достаточно для того, чтобы ощутить всю степень осторожности подхода историка к «болезненной» проблеме.

Впрочем, отметим еще один эпизод. Историк задумывается о том, из каких источников получал средства Я. С. Ганецкий (с которым сотрудничал Ленин) для большевистской пропаганды в России? «До последнего времени большевики не опубликовали сведений о партийном бюджете за этот период. Поэтому можно только строить гипотезы», — замечает Г. В. Вернадский¹⁷. Говоря о последствиях июльских событий, когда Ленин был обвинен в денежных связях с Германией, историк отмечает: «Итак, сотрудничество Ганецкого с большевиками не подвергается сомнению. Ленинское опровержение — по крайней мере, в отношении Ганецкого — определенно не заслуживает доверия»¹⁸.

Современный знаток проблемы — профессор Г. Л. Соболев — в результате тонкого и, насколько это возможно, всестороннего анализа приходит к следующем выводу: «Опубликованные в конце 50-х годов немецкие документы (Вернадский их еще не

знал. — А. Д.) дают возможность утверждать, что Германия сделала ставку в своей подрывной работе против России на русских радикальных социалистов, в первую очередь на большевиков во главе с Лениным. Однако интересы и цели той и другой стороны не только совпадали, но и существенно расходились, а в их контактах, глубоко законспирированных и строго засекреченных, ведущей стороной была Германия. Отсюда появление множества догадок и предположений, версий и слухов»¹⁹. Касательно поведения Ленина после июльских событий: «Категорическое отрицание Лениным всяких отношений с Ганецким... ставило в ложное положение его самого, по крайней мере, с точки зрения современного исследователя»²⁰. Как видим, тональность суждений исследователей почти совпадает.

Как уже отмечалось, книга вызвала разные оценки критиков: от позитивных до негативных²¹. Забавно читать упреки некоторых историков в том, что Вернадский не изучил подробно взгляды Ленина²² (хотя они не знали о том боксе с конспектами, который я упоминал). Просто уже тогда Вернадский как никто другой понимал, что «красный диктатор» — это практик, тактик²³, а не теоретик: теории так и останутся фантазиями. Впрочем, повысить свою политграмоту в области ленинизма американцы могли с помощью книги князя Д. С. Мирского²⁴, которая в рецензиях порой рассматривалась вместе с книгой Вернадского.

Надо отметить, вслед за Ч. Дж. Гальпериним, что книга написана в объективной и научной манере²⁵. От себя замечу, что вполне доброжелательная манера автора особенно ощущается, когда читаешь архивный вариант работы, свободный от двойного перевода²⁶.

В 1930-е гг. историк старался понять феномен советской России, ее положение в мире. В какой-то степени он исходил из своих евразийских пристрастий, однако именно в работах, посвященных современному периоду, они наименее заметны. Может быть, эти пристрастия более заметны в статье, которая посвящена ленинскому учению (еще раз, кстати, о глубине погружения в ленинизм!). Историк полагает, что классик допускает грубую ошибку, не различая экономический и политический империализм. В своей статистике по колониям Ленин использует данные по Азиатской России. По убеждению Вернадского, ее нельзя считать колонией — она интегральный элемент России–Евразии²⁷. И здесь я обращаю внимание читателя на момент кардинальной важности: именно евразийские интересы заставляют историка обратить внимание на проблему отношений между «дореволюционной» и советской Россией.

Если прежняя Россия — империалистическая в ее отношениях с Сибирью, то империалистической является и Россия нынешняя — «социалистическая». Хотя революция разрушила целостную политическую и социальную структуру Российской империи, преемственность сохранилась. Россия утратила свои западные территории, но восточные, в частности Сибирь, оказались гораздо более тесно связанными с основной государственной территорией, потому что присоединены они были не московским империализмом, а мирной славянской колонизацией. Советская политика в Маньчжурии и Монголии отражает российские национальные интересы, продолжая прежние традиции²⁸.

Эти же идеи находим в статье, которая полностью не была опубликована — «Маньчжурская проблема и СССР». На основе изучения обширного материала, в том числе газеты «Харбинское время», историк анализирует политику Японии в этом регионе. С одной стороны, ни СССР, ни Китай не имели сил остановить «страну восходящего солнца». Но, с другой стороны, продвигаясь в степь, японцы покидали свое «месторазвитие», становились уязвимы со стороны советской кавалерии и авиации. Вот почему даже несмотря на неразвитость советских железных дорог, война с Японией тогда не состоялась. Это была типично евразийская логика...

Подобную логику находим в обзорном курсе лекций по европейской истории (часть *Berkshire Studies in European History*), прочитанном в 1932 г.²⁹, а также в книге, которая вышла в Берлине в 1934 г.: «Опыт истории Евразии». Глава, посвященная советской России, так и называлась: «Евразия советская 1917–1933 гг.». В ней историк хочет посмотреть на события русской революции сквозь призму истории Евразии. Говоря о территориальных изменениях, ученый удачно сравнивает ситуацию первой четверти XX в. с эпохой Смуты начала XVII в.: евразийский фундамент России оказался более прочным, чем европейские «пристройки» к нему. Вне зависимости от отношения к советской идеологии и политике, нельзя не признать, что по крайней мере на некоторое время Москва сделалась маяком для угнетенных народов не только в самой Европе, но и далеко за ее пределами. Большевики, вовремя учтя ошибки белых, провозгласили принцип автономии окраин, признавая желательным «федеративное объединение государств, организованных по советскому типу»³⁰.

Советское правительство использует в своих целях силу национальных чувств. Однако гиперболизированный принцип автономии меньшинств может серьезно помешать развитию отдельных областей Союза как особых хозяйственно-географических и социальных единиц. Вернадский предлагает свои рецепты: «С точки зрения Союза как целого представлялось бы несравненно более целесообразным равномерное разделение его в политическом

Г. Вернадский с женой Ниной

отношении на несколько (12–15) больших районов, на которые можно делить Союз в отношении географическом и хозяйственном, причем иные из таких областей охватывали бы целиком одно или несколько национальных меньшинств, а другие области включали бы в себя части крупных национальностей Союза»³¹.

Впрочем, все неудобства «теперешнего политического разделения Союза» были бы гораздо серьезнее, если бы фактическая жизнь не шла вне формальных конституционных рамок. С одной стороны, классовый принцип диктатуры пролетариата нивелирует все части государства, с другой стороны, само Советское государство является лишь юридическим фасадом Евразии, а самодержавно правит народами Евразии Всесоюзная Коммунистическая партия (ВКП), устроенная, наоборот, не по принципу федерации, а по принципу централизма. В этой книге историк отдает должное советской плановой экономике, отмечая более равномерное распределение промышленности по территории Евразии, а в области сельского хозяйства — разделение пригодной к обработке территории на зоны специальных культур. Даже железнодорожную сеть предполагается переоборудовать на американский лад. Результатом всего этого является значительно более тесная связь между собой отдельных районов Евразии в хозяйственном отношении, чего не было раньше. Но ученый не забывает и о плате, которая отдана за этот «прогресс». Два периода страшного голода (1921–1922; 1932–1933) сопровождают эти «опыты коммунистического хозяйства»³².

В том же году была написана статья «Парадоксы большевизма»³³, не опубликованная автором. Историк постарался осознать парадоксы большевизма, которые проистекают из столкновения теоретических его постулатов с реалиями российской истории. Большевизм совершил, казалось бы, немислимый кульбит от интернационализма к национализму и становится защитником русских национальных интересов. Не отвергнув Коммунистический Интернационал, Советский Союз оказался членом Лиги Наций как национальное государство.

В области экономики на смену «кранного режима анархического коммунизма» пришла система государственного социализма (или государственного капитализма). Хотел бы обратить внимание читателей на эту прозорливость историка, который уже в первой половине 30-х гг. осознал: то, что формируется в России, имеет мало общего с притягательной для многих утопией под названием «социализм».

В области «сельскохозяйственной социализации» — революция сверху, которая вылилась в насильственную коллективизацию и уничтожение «кулачества». Во главе государства — Коммунистическая партия, самая близкая параллель для которой — орден иезуитов. Но индивидуалистические настроения и привычки живы... Ученый обнаруживает еще ряд парадоксов в жизни современной ему России.

Интереснейшая судьба у следующей по времени работы историка. Он написал книгу о политической истории России для серии, которой в Германии руководил знаменитый славист М. Фасмер, опубликовал знаменитый тогда издатель. Но ситуация в Германии стала мало

располагать к изданию таких книг. Тогда не менее знаменитый американец Самуэль Хаззард Кросс в Гарварде заинтересовался судьбой данной книги и она вышла в Бостоне, в коммерческом издательстве³⁴. Возникла несколько скандальная ситуация, поскольку Дж. Баньян из университета Джона Хопкинса в своей рецензии сурово раскритиковал работу Вернадского³⁵. В защиту друга выступил М. М. Карпович из Гарварда, который прекрасно показал в своей реплике, что Баньян не прав³⁶. Последний не сложил оружия и ответил уже Карповичу³⁷. Я не хочу вдаваться в детали этого спора, тем более, что часто речь шла о более ранних периодах русской истории. Но надо отметить главную мысль Вернадского, которую он четко обозначил в книге и которая, к сожалению, была не понята преподавателем из университета Джона Хопкинса: фундаментальное единство русского исторического процесса, что делает политику современной России продолжением того, что было начато в очень давние времена.

В первой половине 1930-х гг. историку, конечно же, больше импонировало дореволюционное прошлое, что получило отражение, в частности, в том же жанре рецензии. Он критикует тех историков, которые недооценивают развитие образования в досоветской России. Оно, оказывается, было не хуже, а то и лучше, чем в Западной и Центральной Европе. Зато поддерживает тех, кто, например, не считает русское дворянство реакционным³⁸.

Ученый критиковал и Брюса Хоппера в связи с выходом его книги «Пансоветизм: вопрос перед Америкой и миром». По мнению Вернадского, автор не видит в истории России индивидуального начала и, наоборот, преувеличивает коллективистское начало, а также развитие страны после 1917 г. Вернадский полагает, что после Великих реформ, и особенно в период революции 1905–1907 гг., индивидуализм ярко проявился в России. Индивидуальная инициатива не исчезла и после революции, в ходе НЭПа, а корни советских успехов в образовании и здравоохранении уходят в дореволюционное время, когда существовали земства³⁹.

Но ведь Вернадский был горячим патриотом России и, говоря о континуитете в российском историческом процессе, он не мог не переносить свой патриотизм на современную ему Россию. Зловещие признаки грядущей войны только укрепляли его в таких чувствах. Вектор восприятия советской России историком-эмигрантом, дворянином, служившим у П. Н. Врангеля, все больше смещался в позитивную сторону. Он видел, сколь немногочисленны и превратны в американском обществе знания об истории Восточной Европы, и всячески старался исправить положение⁴⁰. При этом уже перед войной, как подметил Ч. Дж. Гальперин, он приближался к опасной черте, за которой мог расцениваться как апологет советской России⁴¹.

Тем не менее, начавшаяся война лишь усилила его настроения, вылившись в мощный патриотический подъем. Историк не хотел бездействовать: он хотел сражаться с фашизмом всеми доступными ему средствами. В этом он очень напоминает мне моего первого учителя Владимира Васильевича Мавродина⁴².

С началом войны в Йеле открыли курсы по языку. На них была и история. «Я работал лектором русской истории» — вспоминал историк⁴³. Но работал он не только лектором. Правительство обратилось за помощью к Вернадскому. В 1940 г. ему было выдано специальное оборудование (Coast Guard equipment), и он слушал радио Москвы в поисках важной информации. Он также сканировал и изучал несколько советских газет, которые ему присылали: «Правду», «Красную звезду», «Известия». Его «куратором» был морской офицер У. Д. Пулестон. Дело, конечно, не в оборудовании, а в опыте и знаниях историка, о которых было известно правительству и которые могли пригодиться в раскручивающейся мировой войне.

Причем дело не ограничилось шестью месяцами 1940 г., как считает Ч. Дж. Гальперин. Контакты с морским офицером продолжались и позже. В самом начале 1943 г. он прислал историку примечательное письмо, в котором Пулестон просил ученого изложить свое видение ситуации в России. В частности, его интересовала военная, экономическая ситуация, моральное состояние русских людей, и в особенности будущая политика Кремля, как в Европе, так и на Дальнем Востоке.

Далее офицер писал, что послал в Йельский университет книгу о советской внешней политике и интересовался, что можно сказать о книге и можно ли доверять автору? Наконец, он просил составить «краткий очерк» о И. В. Сталине, который должен был включать в себя как общеизвестные факты (где родился, как сформировался, каковы фундаментальные идеи), так и ответ на главный вопрос, заключавшийся в следующем: в чем сейчас больше всего заинтересован Сталин — сделать русских великой нацией или распространять «советизм» по всему миру. При этом офицер оговаривался, что он хорошо знает историка и его идеи ему известны, вот почему больше всего его интересует, не произошло ли в них изменений в виду событий последнего года⁴⁴.

Ученый активно работал на радио, готовил серию передач, которые транслировались из Нью-Йорка и Вашингтона. Он читал лекции — специальные и для широкой аудитории. «Что ты знаешь о шестой части Земли под названием Россия?» — может быть, несколько патетически, но с искренней любовью к России звучат слова с плаката, извещающего о достаточно подробном курсе лекций. Есть и программа этого курса 1945 г. При этом историк освещал такие вопросы, как управление Россией и народы России⁴⁵, а другие лекторы рассказывали о российской географии и искусстве.

О степени интенсивности этой работы свидетельствует такой факт. В 1945 г. ученый посетил г. Кливленд (штат Огайо) — один из крупнейших экономических и финансовых центров страны. Он провел три дня в Flora Stone Mather College of Case Western Reserve University. Утром 27 апреля он прочитал лекцию (convocation lection) «Советская Россия и коллективная безопасность». Лейтмотивом лекции была мысль: «Россия как никто другой заинтересована в установлении стабильности и мира на Земле»⁴⁶. Историк горячо доказывал, что если другие страны требуют уважения к границам 1941 г., то и Советский Союз име-

ет на это право. Советская Россия — великая сила и таковой ее надо считать, несмотря на различия в идеологии. Если США влияют на Латинскую Америку, то почему Советский Союз не имеет права на то же самое в Восточной Европе? В. М. Молотов сказал, что советские войска будут выведены отсюда — советский министр иностранных дел держит слово! Линия Керзона — прекрасно, и то, что отошло в 1939 г., должно остаться за Советским Союзом.

Вечером в Alumnae Historical Association он читал лекцию под названием «Россия и проблема национальных меньшинств». Он утверждал, что все народы России, в отличие от Британской империи, жили в одном компактном блоке. И здесь было гораздо больше равенства, чем в той же Британской империи. Исключение составляли евреи. При этом историк полагал, что антисемитизм в России основывался не на расовой, а на религиозной основе и, таким образом, являлся остатком средневековой ментальности, когда религия значит больше, чем раса и национальность⁴⁷.

Тут я не совсем согласен со своим героем: антисемитизм, как говорится, он и в Африке антисемитизм, независимо от чего он происходит. Но уж очень ему хотелось как-то выделить его любимую Россию!

Кстати, сам он был этого самого антисемитизма совершенно лишен. В его коллекции есть две папки, посвященные евреям. Я внимательно их просмотрел — это в основном материалы прессы о положении евреев в СССР...

На следующий день он выступал на митинге, где собрались преподаватели социальных наук и члены Общества американо-советской дружбы. Тема его выступления: «Постоянные черты русской жизни».

Многочисленные лекции неутомимый историк проводил в рамках Russian War Relief⁴⁸. Вообще, организация могла бы гордиться своим членом. От бесчисленных посылок родным и друзьям в 20–30-е гг.⁴⁹ Георгий и его жена Нина естественным образом перешли к многосторонней деятельности в RWR.

В 1943–1944 гг. в Йеле была объявлена специальная армейская обучающая программа — Foreign Area Studies, где история оказалась одним из основных предметов. Группы набирались небольшие, до 10–16 человек, но дело было поставлено серьезно. Была разработана система отчетности и оценки знаний, перед которой пасует нынешняя «болонская система». А о глубине знаний, которые давались обучающимся, может свидетельствовать следующий документ — экзаменационный билет, в котором предлагалось: описать организацию и функции Центросоюза (15 мин.), обрисовать пионерскую и комсомольскую организации (10 мин.), обсудить внешнюю политику советского правительства в эпоху НЭПа (25 мин.)⁵⁰.

В 1945–1946 гг. историк активно работал в рамках специальной школы для офицеров, где читал интересные специальные курсы⁵¹. Он пишет о немецком Drang nach Osten, который нависал над Польшей; рецензию на знаменитую книгу Е. В.Тарле о нашествии Наполеона и др.

События времен войны убеждали историка в том, что советская Россия возвращается к национальной традиции: концепция «преемственности» выглядела все более убедительной. Была воссоздана патриархия, что Вернадский, как православный человек, горячо приветствовал⁵². Характерна для него в это время лекция “Old Russia”⁵³, написанная в ноябре 1943 г. Вернадский восхваляет нынешних русских и Россию, полагая, что связь времен, прерванная в свое время не без участия М. Н. Покровского, восстановлена. Никто иной, как сам Сталин стал выразителем нового русского духа, он сам возродил веру в старых героев: Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьму Минина и Дмитрия Пожарского, А. В. Суворова и М. И. Кутузова. Экспансия России всегда была скорее результатом колонизации, чем войны. Недовольные своим положением крестьяне, раскольники заселяли необозримые пространства, а уже за ними следовало правительство. Правда, Кавказская война напоминает Вернадскому индейские войны на «нашем Среднем Западе», но такого расизма, как британцы в Индии, россияне никогда не допускали. Советский Союз развивает традиции дореволюционной России, осваивая территории и природные богатства.

27 марта 1944 г. историк написал письмо Полу Г. Хэнселу из Northwestern University по поводу его статьи с красноречивым названием «Правда о царской России». Вернадский считает, что коллега слишком суров к советскому режиму, чьи достижения отражают дореволюционный прогресс и усилия русских людей, и слишком мягок к самодержавию, которое стало конституционной монархией в 1905 г. «Старомодное» самодержавие в России XIX в. не давало должным образом развиваться прогрессу⁵⁴.

В открытой лекции, прочитанной в знаменитом Колумбийском университете 2 октября 1944 г., он ставит вопрос о причинах русской революции. Можно ли удовлетвориться обычным ответом, что это результат отсталости и стагнации страны под царизмом? Это не так. Во многих областях русской жизни было быстрое движение вперед: в промышленности, в образовании и т. д. Промышленная революция, которая и сейчас продолжается, началась задолго до 1917 г. Не хватало, скорее, координации в развитии разных сфер российской жизни. Например, политическая организация значительно отставала от экономического и культурного прогресса страны. Существовало глубокое различие между городом и деревней. Главная причина революции — в подъеме творческих способностей русских людей...

Одна из важнейших причин — мировая война. На то, почему Россия не выдержала это испытание, у историка отдельные объяснения, среди которых и недостаточное развитие промышленности, и политический конфликт между царем и Думой. В российской революции можно заметить две стадии: первоначальную — деструктивную, и нынешнюю — конструктивную. Но говорить о том, что вернулся прежний национализм, так же некорректно, как то, что вернулось прежнее общество. Это общество впитало много прежних традиций,

но оно другое, имеет другую экономическую организацию, которую можно назвать коллективистской. К сожалению, на Западе присутствует негативизм по отношению как к прежней, так и к нынешней России, который надо преодолеть⁵⁵.

У самого Вернадского «позитивизм», похоже, стал перехлестывать через край. Это видно в третьем издании «Истории России». В предисловии он говорит о том, что теперь интерпретация русской революции должна отличаться от той, что была 15–20 лет назад⁵⁶. Он видит новые демократические тенденции и в деятельности таких функционеров, как С. М. Киров, и даже в трансформации ОГПУ в НКВД. Этим тенденциям противостояли левые (троцкисты и зиновьевцы) и правые (члены группы А. И. Рыкова). Историк верит в то, что Гестапо повинно в саботажах на фабриках на протяжении 30-х гг. И в этом смысле Вернадский, тот самый Вернадский — народник в душе и кадет по партийной принадлежности, готов оправдать репрессии. Нет, конечно, всякому жаль невинных, сгинувших во время государственного террора — но зато не дали Гитлеру возможности создать пятую колонну, которая была во Франции и в большинстве других европейских стран. Значит, репрессии — орудие в борьбе с пятой колонной!⁵⁷ Не будем строги к историку (к тому же, может быть, и он, и Сталин правы, и в России без репрессий никак не обойтись?) — уж очень был велик накал патриотизма, чувство боли за свою Родину.

В июле 1944 г. он получил от своего старинного приятеля, бельгийского медиевиста Г. Грегуара, ценный том научных исследований, в котором и сам участвовал, посвященный памяти ученых, погибших от немецкого насилия. В четырех случаях были помещены некрологи ученых, погибших при «советской оккупации» Западной Украины (кавычки Вернадского. — А. Д.).

В своем письме Георгий отмечает, что он, естественно, скорбит по поводу смерти этих ученых. Но сам он оказывается в двойственном положении, ведь его не предупредили заранее, и участие в этом томе делает его соучастником демонстрации, сочувствовать которой он не может. «Сейчас, когда русская кровь льется рекой, когда миллионы советских граждан погибли и продолжают погибать за освобождение не только своей родины, но всего мира — время ли ставить имя Советского Союза на одну доску с немцами — врагами всего мира», — писал историк⁵⁸.

Большой, информативный курс историк прочитал в Колумбийском университете в 1944–1945 гг. Особый интерес для характеристики взглядов Вернадского в это время представляет завершающая лекция (15 января 1945 г.). Сказав о военных успехах России, историк отметил, что тут же начались опасения в США. Есть страх России, чтобы она ни делала, неспособность понять истинные ее мотивы в этой войне и ее возможные позиции после войны. Бояться России не надо, но надо понять, что ее влияние будет увеличиваться. И историк с удовольствием рисует убедительную картину роста населения России по сравнению с другими странами. А школ в России к 1938 г. оказалось даже больше, чем в США!

А еще — чугун! В общем, Россия стала одной из крупнейших сил в мире. И это все не коммунистическая интрига, а изменения в производительных силах.

Сильнейшая сторона советского строя — отношение к национальностям и национальной проблеме. Конечно, республики и национальности имеют только ограниченные политические права. Но они не ограничены конституцией. Сама конституция довольно либеральна: по ней республики имеют даже право отделения. Но контролирует все Коммунистическая партия, как в РСФСР, так и в других республиках. Дискриминации национальностей нет, поскольку русские в таком же положении, что и остальные. Итак, коммунистическое правление находится за официальной конституцией.

Этой картины не портит и присоединение прибалтийских республик: ведь они не аннексированы и в любом случае если не политическая, то культурная автономия им точно гарантирована. Вернадский был не против присоединения и Закарпатья: в конце концов, карпато-руссы всегда были недовольны политикой Чехословакии...

Объединяющим страну фактором служит и пятилетний план, распределяющий промышленность не только в пределах собственно России, но и других республик. И вот эта индустрия представляет собой новую объединяющую силу. Предполагают, что Украина может отделиться от России. Это означало бы серьезные сдвиги в промышленности и сельском хозяйстве, поскольку республики связаны и зависят друг от друга⁵⁹. Советское правительство делает все возможное для развития культуры наций, даже малых народов Сибири. С этой точки зрения вхождение прибалтийских республик означает, что их культура будет всячески поддерживаться. Советский Союз стал в определенном смысле единой нацией. Конечно, мы не можем назвать его национальным государством — это многонациональное государство. Поэтому о советском национализме можно говорить только в очень ограниченных пределах. Советский национализм (= патриотизм) — это слияние национализмов всех народов. Этим он кардинально отличается от дореволюционного национализма. Каждый гражданин отдельных республик мыслит о себе как о гражданине Союза в целом, и для него Союз не противоречит национальным интересам. Такое советский патриотизм возник еще до войны, но резко вырос в ходе борьбы с врагом.

Другая проблема касается советской демократии. Советские люди сами говорят о своей стране как о демократической. Конечно, можно сказать, что их демократия отличается от того, что мы понимаем под демократией в США. Правда, с точки зрения чисто правовых аспектов Конституция 1936 г. является демократической. Но, фактически, демократии в Советском Союзе нет, имея в виду политическую демократию, как мы понимаем ее здесь.

Лишь одна партия правит страной, другие — не разрешены. Значит, демократии нет, но есть способы самовыражения для людей, которые они называют демократией и которые, в конечном итоге, могут развиваться в демократию. Советские люди под демократией подразумевают, прежде всего, всеобщий интерес к судьбе своей страны. Есть местные органы

самоуправления: местные советы, советы профсоюза, кооперативы и т. д. Они обсуждают и общие проблемы. Правда, кто-то может сказать, что приходят к выводам, которые от них требуют в центре. Пусть это и так, но такое обсуждение — полезный образовательный процесс. А возможно, могут и влиять — ведь мнения этих местных органов доходят до сведения центральной власти.

Нет свободы прессы в нашем понимании. Критика в печати «основ» не только невозможна, но и невысказана. Но, с другой стороны, есть ряд вопросов, по которым можно критически высказываться. Это они называют самокритикой, и иногда она бывает жесткой и может исправлять те или иные недостатки. Конечно, это всё в очень узких границах, но человек чувствует, что он что-то значит в жизни общества. Профсоюз также не играет политической роли.

Итак, хотя в Советском Союзе в нашем смысле нет демократии, есть определенный способ самовыражения для людей, который они ценят и, похоже, ничего другого не хотят. Такое ощущение, что теперь большее единство людей, чем в 1914 г. Одна из причин этого — существование всех этих локальных советов и организаций, начиная с колхоза в деревне. Люди чувствуют, что они участвуют в жизни страны, а их правительство, пусть временами и диктаторское, тем не менее, их собственное правительство. Они доверяют ему больше, чем доверяли имперскому правительству в 1914 г. Если сравнить влияние войны 1914 г. и нынешней войны, то мы наблюдаем гораздо большее единство среди людей и гораздо большее понимание опасности ситуации. Это выглядит парадоксально, поскольку сами большевики в ту войну были пораженцами. Успех Красной Армии объясняется не только ее лучшей оснащенностью по сравнению с 1914 г., но и чувством единства среди всех советских людей и республик.

Хорошо передают этот дух недавние поэтические произведения А. А. Суркова. Это дух защитников Отечества, а не завоевателей. Советские люди хотят остановить агрессора и не дать ему навредить России в дальнейшем. На мой взгляд, это позиция не только советских людей, но и советского правительства. По-моему, главная задача советских людей и правительства — реставрация и реконструкция того, что было разрушено. И для этого ими составлены амбициозные планы. Но надо не только восстанавливать, но и дальше развиваться. Надо не только увеличивать общий объем производства, в котором Союз отстает только от США, но и *per capita* (лат.: на голову, то есть на душу населения). Здесь СССР отстает не только от США, но и от других стран, а это не позволяет поднять уровень жизни до американских стандартов. Для этого еще надо поднять легкую промышленность, на которую не обращали должного внимания, производство предметов потребления, сельское хозяйство. Естественно, что для выполнения столь грандиозной программы Советский Союз нуждается в мире и международной стабильности.

«Я историк, — заканчивает свою лекцию Г. В. Вернадский, — исследователь прошлого, поэтому не могу реально предсказывать будущее». Но мы имеем элементы в прошлом

и в настоящем, которые позволяют нам сказать и о будущем. Вернадский уверен в том, что России бояться не надо...⁶⁰

Естественно, что те же взгляды историк излагал не только в лекциях, но и в печатных трудах⁶¹. Читая одну из работ, даже трудно отделить «дореволюционную Россию» от советской. Так она плодотворно и развивалась с освобождения крестьян в 1861 г. и ныне никакой угрозы Западу не представляет⁶². В обзоре литературы о России он поддержал Симона Либермана в его утверждении, что в послевоенной действительности прагматические цели реконструкции будут доминировать над коммунистической догмой и определять советскую политику. Рассуждая о книге Макса М. Лазерсона «Россия и Западный мир», историк пишет о том, что страх среднего американца, видящего угрозу в России, уходит во времена интервенции после Первой мировой войны, объявлении тогда России криминальной нацией. Рассматривая книгу Гэрриэт Л. Мур «Советская политика на Дальнем Востоке, 1931–1945», он доказывает, что в Маньчжурии Советы нельзя уличить в распространении ни коммунизма, ни империализма: они осторожно отстаивают свои интересы. В общем, ситуация в мире в 1946 г. не дает повода для пессимизма. Умные граждане должны уклоняться от распространителей слухов и опираться на факты⁶³.

Для более широкой публики эти взгляды тиражировались в радиопередачах. В передаче 12 мая 1945 г. говорилось о том, что России меньше повезло, чем Америке, страшное лицо войны и разрушения ей известно гораздо лучше, чем американцам. Россия ни в чем не виновата, а то, что свои войска ввела в Иран (это очень беспокоило Запад) так это из-за ожидаемой атаки на Баку.

На вопросы корреспондента историк отвечал с хитрецей, но смело, замечая, что наши (американские) пресса и радио — лучшие в мире. Так почему же они извращают информацию о России? При этом ученый делал упор на движение великих сил к объединению наций⁶⁴.

Он считал, что два великих народа, американский и советский, ждет великое будущее. Судя по всему, в таких надеждах он был тогда не одинок⁶⁵. История, как всегда, состроила гримасу. Уже в мае 1946 г. в радиопередаче Вернадскому приходится заступаться за Советский Союз: советское поведение ничуть не хуже поведения других великих сил. Почему мы критикуем Советский Союз за его внутренние отношения, почему не хотим дать ему такой статус, как США и Британии? Вернадский отвергает призыв У. Черчилля к созданию англосаксонского фронта и западной монополии на атомную энергию. Атомной энергией должны управлять Объединенные Нации⁶⁶.

На том, что возможен мир между демократией и коммунизмом, историк настаивал и в 1948 г. в беседе в университете Джона Хопкинса⁶⁷. Однако накал «холодной» войны усиливался и подобного рода выступления становились, мягко говоря, неуместными. Ученому приходится обратиться к изучению древности. Это была еще одна драма его жизни: он привязал-

ся своей к новой Родине и очень уважал замечательную страну под названием Соединенные Штаты Америки, но по-прежнему любил и первую Родину, свою Россию, которая теперь называлась Союз Советских Социалистических Республик. Людям моего поколения его страдания понятны: едва показалось, что между нашими странами возникли мир и согласие (в 90-е и ранние нулевые) — и все кончилось. А ведь уже давно нет пресловутого коммунизма ...

Впрочем, уйдя от острых тем, историк еще долго сохраняет свои взгляды в неизменности. Как отметил Ч. Дж. Гальперин, своими работами в области древней и средневековой истории Вернадский доказывал, что Россия знала свободу, что она не была восточной деспотией⁶⁸. В 1959 г. в интервью, посвященном публикации одной из его книг по средневековью, он приветствовал приглашение президентом Д. Эйзенхауэром в Америку советского лидера Н. С. Хрущева. Мир стоит перед выбором: полное разрушение или сосуществование — стоит ли ломать голову над выбором?⁶⁹ В упоминавшемся в начале данной статьи вступлении к открытию конференции, посвященной столетию российской внешней политики, историк вновь ставит задачу: обсудить проблему изменений и преемственности в российской внешней политике. Теперь упор приходится делать на различиях между двумя стадиями российской государственности и, может быть, главное то, что императорская Россия не знала такого явления, как железный занавес.

Россия была членом «европейского концерта» и была тесно связана с европейскими странами многими нитями. Историк не мог не погрузиться и в личные воспоминания о своих путешествиях на Запад в юные годы. В общем, картина «дореволюционной» России получилась яркая и положительная (некоторые прежние минусы теперь стали плюсами, например, конфликт царя и Думы), а вот связь современной России с прежней теперь практически исчезла. О ней должны были свидетельствовать только наука и ученые, вроде К. Циолковского⁷⁰. Когда пытаешься понять такие сдвиги в сознании историка, то приходишь к выводу, что дело не только в кардинальном изменении отношений между странами. Ученый начал понимать, что в его первом отечестве далеко не все так благополучно, как хотелось бы: эмоциональный заряд времен войны прошел и стали видны многие недостатки «коммунистического» строя. При этом историк все-таки сохранял прежние симпатии к СССР.

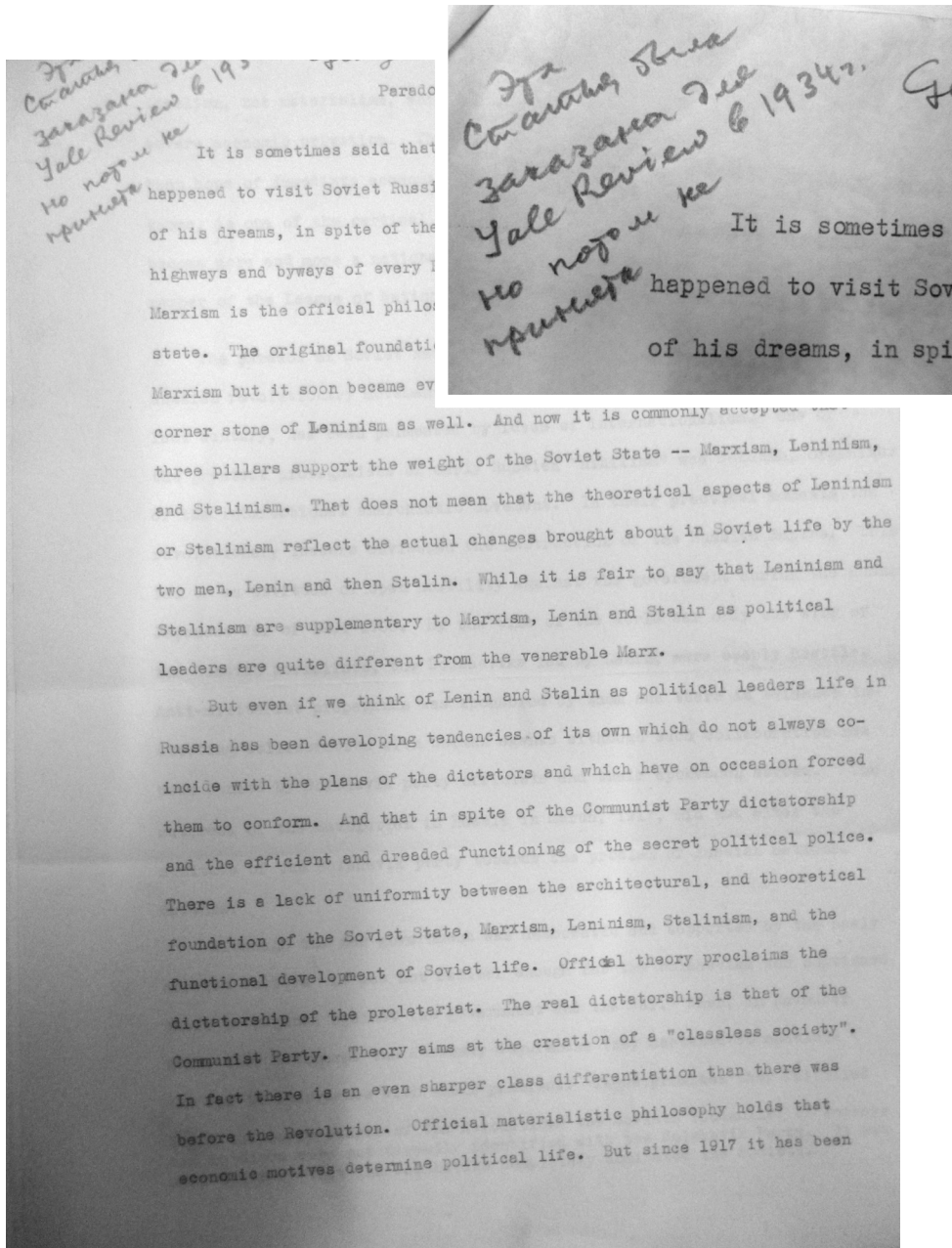
Думаю, не ошибусь, если скажу, что именно такое противоречивое чувство владело историком, когда он писал пятое (и последнее) издание своей «Истории России». Вернадский пишет о том, что заключение договора о ненападении с Германией и последующая оккупация Советским Союзом западной Украины и западной Белоруссии вызвали бурю протестов на Западе. Это возмущение он объясняет тем, что на Западе не смогли понять специфических особенностей и тонкостей, определяющих развитие политической ситуации в восточной Европе⁷¹. Такой подход к событиям в Восточной Европе необычайно актуален и сейчас.

В этом издании появилась глава «Россия и мир в ядерную эпоху». В ней историк писал о «лагере социализма»: «Приход к власти коммунистических движений в странах центральной и восточной Европы после Второй мировой войны не может быть объяснен исключительно российским давлением. Историческое развитие в этих государствах в большинстве случаев стимулировало создание сильной национальной оппозиции существующим режимам»⁷².

Если бы люди моего поколения прочли эти строки тогда, когда они были написаны, они не могли бы поверить в то, что это цитата из книги, изданной в США! Историк, судя по всему, был и остается на Западе единственным сторонником такого подхода. Была там, правда, попытка объяснить все не коммунистической экспансией, а стремлением Америки к рынкам⁷³. Но победил другой подход: в основе советский эксперимент, все элементы «социализма» экспортировались из Советского Союза⁷⁴.

В то же время историк совершенно объективен в своей оценке сталинского режима, особенностей хрущевского правления⁷⁵. Более того, он тонко почувствовал то, что происходит внутри страны. Говоря о современной ему действительности (вторая половина 60-х гг. XX в.), он пишет: «Несмотря на то, что материальные условия повседневной жизни в Советском Союзе в последнее время улучшились, российское общество вошло в состояние глубокого психологического и идейного кризиса»⁷⁶. Осознавали ли это так четко тогда в нашей стране? Я не уверен...

Я прекращаю анализ данного ответвления творчества Г. В. Вернадского. Слишком масштабна личность, слишком велико наследие, чтобы «закрыть тему» моей ли статьей, или статьей Ч. Дж. Гальперина. Но уже сказанного достаточно для того, чтобы понять, сколь интересен был его подход к истории советской России. Воззрения историка — своего рода феномен, ясно видимый на фоне чаще всего враждебной западной историографии и идеологически затуманенной советской исторической науки. Всю свою жизнь в эмиграции историк старался понять феномен той России, которая осталась за океаном и жила своей жизнью. Подспорьем ему было глубочайшее знание предшествующей истории, и прежде всего древности, на которую и можно было «посадить» эту плохо уловимую новейшую историю. Как раз это знание и позволяло ему распознать то, что пряталось за официальным фасадом советского «кис-эблшмента». Важнейшим итогом стала продуктивная мысль о советском периоде как одновременно особом, специфическом, но в то же время продолжающем традиции любезной сердцу Г. В. Вернадского «дореволюционной» России. Со временем такой подход привел к явной идеализации советского режима, но чувство это пришлось на период страшной войны и только укрепляет наши симпатии к историку. Потом все как-то выровнялось, но не проходило предчувствие грядущих бед, которые еще ждут его любимую Русь. Вот почему он давал свои советы, вот почему он так увлекался украинским вопросом, вызывая удивление со стороны рецензентов. Грядущее, к сожалению, подтвердило многие из его опасений...

Первая страница статьи «Парадоксы большевизма» с автографом Вернадского

Г. В. Вернадский Парадоксы большевизма⁷⁷

I

Иногда говорят, что, если бы Карл Маркс был все еще жив, и ему случилось бы побывать в Советской России — он не узнал бы её как реализацию своей мечты, несмотря на тот факт, что его бюсты и статуи украшают главные и второстепенные улицы каждого русского города, и, несмотря на тот факт, что марксизм официальная философия, лежащая в основе конструкции советского государства. Изначально основой большевистской конструкции, может быть, и был марксизм, но вскоре стало очевидно, что здание росло на главном фундаменте — ленинизме. И теперь все признают, что 3 опоры поддерживают вес советского государства — марксизм, ленинизм и сталинизм. Это не означает, что теоретические аспекты ленинизма или сталинизма отражают реальные изменения, произведённые в советской жизни этими двумя людьми — Лениным, а затем Сталиным. Будет правильно сказать, что ленинизм и сталинизм — дополнения к марксизму, но Ленин и Сталин как политические лидеры совершенно отличаются от почтенного Маркса.

Но даже, если мы думаем о Ленине и Сталине как о политических лидерах, жизнь в России имеет свои тенденции развития, которые не всегда совпадают с планами диктаторов и в случае необходимости заставляют диктаторов с этим мириться. И это несмотря на верховенство Коммунистической партии и на эффективную и жуткую работу секретной политической полиции. Есть отсутствие единства между архитектурной и теоретической основой Советского государства, марксизмом, ленинизмом, сталинизмом и функциональным развитием советской жизни. Официальной теорией провозглашена диктатура пролетариата. Реальная диктатура — Коммунистической партии. Теория требует создания «бесклассового общества». Фактически, существует даже более острая классовая дифференциация, чем была до Революции. Официальная материалистическая философия утверждает, что экономические мотивы определяют политическую жизнь. Но с 1917 г. именно идеализм, а не материализм помогает русским людям терпеть суровые экономические лишения. Мотив — скорее вера в будущее, нежели надежда получить немедленную экономическую выгоду. Интернационализм, как почти каждый знает, один из кардинальных пунктов марксизма, но Советский Союз становится все более и более национальным государством и как таковой недавно стал членом Лиги Наций.

II

Парадокс советского национализма вызывает огромный интерес. Российское революционное движение с его начала в 60-е годы прошлого столетия было пропитано идеалами

интернационализма. Одним из величайших протагонистов раннего русского «нигилизма» был Бакунин, организатор интернационального анархического движения. В своей практической деятельности революционные лидеры преследовали разрушение Российской Империи. Это вело к позиции открытой враждебности по отношению к правительству в течение Русско-Японской войны 1904–1905 гг. Ко времени Мировой войны только одно крыло русских социалистов – большевики, возглавляемые Лениным, были открыто враждебны. Они спонсировали антимилитаристскую пропаганду, и есть доказательства, указывающие на сотрудничество с германскими агентами, хотя такое сотрудничество отрицалось деятелями большевистской партии и их представителями за границей. Начало революции в России в марте 1917 г. не изменило отношения большевистской партии к проблеме российской национальной обороны.

Хотя новое правительство было демократическим и поддерживалось вновь созданными советами⁷⁸, оно не было достаточно радикальным для большевиков, которые продолжали свою пропаганду против правительства и войны. Когда в ноябре 1917 г. они свергли правительство Керенского, они поспешили завершить войну, согласно своим обещаниям. Свои обещания они выполнили переговорами о мире с Германией, который повлек за собой огромные жертвы для России. Хотя у них не было альтернативы, т.к. российская армия распалась. Важным фактором, приведшим к распаду армии, была большевистская пропаганда. Встав перед лицом новых обязательств, которые сопутствовали новым, завоеванным ими политическим правам – большевики должны были организовать новую армию – социалистическую или Красную Армию. Брест-Литовский мир, по поводу которого весьма злословили в Западной Европе, представлял полную и неизбежную капитуляцию и повелением времени стала необходимость в военной силе. Но новая армия не была готова ни задержать германское вторжение на Украину, ни препятствовать германским властям разгромить красную революцию в Финляндии.

За разгоном Учредительного собрания в январе 1918 г. неизбежно последовала гражданская война, и к этому времени «рабочая» и «крестьянская» армия стала достаточно сильной, чтобы противостоять политической оппозиции в стране. Но силы Союзников, приглашенные для интервенции белыми силами, создали совершенно новую и более сложную проблему. Россия и Революция были атакованы иностранным врагом, и теперь большевики стали играть на патриотизме и национальном сознании масс. Обвиняемые в предательстве большевиками, белые возражали: необходимо защищать традиции русской национальной цивилизации от деструктивных сил — этими силами были, конечно же, большевики. Разве Россия не связана договором (Лондонский пакт, 15 сентября 1914 г.), не позволяющим заключать сепаратный мир? Разве союзники — уже не союзники? Разве не в порядке вещей попросить помощи у союзников против подрывной деятельности германских агентов? Мировая война не закончилась и такие аргументы казались вполне правдоподобными. Но затем Мировая война закончилась, а Гражданская война продолжала бушевать. Красные или

белые представляли большинство русского народа? Вопрос решался силой оружия. К 1920 г. красные установили неоспоримый контроль над всей Россией, за исключением небольшой области в Сибири. Прежние антимилитаристы теперь имели в своём распоряжении крупнейшую в Европе постоянную армию. Но даже теперь большинство эмигрантов не хочет признавать Советское правительство в качестве национального российского правительства. В текущей прессе даже сообщается, что большое количество белых, живущих в Манчжурии, хотели бы сражаться вместе с японцами против Советской России.

Это странный парадокс истории, что прежние националисты вступают, как представляется, в заговор против их страны, в то время как прежние интернационалисты призваны стать защитниками русских национальных интересов. Современная советская пресса играет на патриотических чувствах советских граждан. Хотя патриотизм в 1917 г. большевики считали синонимом джингоизма, теперь Советское правительство издает манифест о защите Отечества. Круг, похоже, квадратирует.

III

В течение семнадцати лет после большевистской революции советская дипломатия выполнила важный поворот кругом. В начале ключом большевистской внешней политики был интернационализм. В это время не только теоретически, но и фактически не было разницы между внутренней и внешней политикой. Мировая революция была конечной целью ранних лидеров. Россия, в представлении Ленина, была тренировочным полигоном, базой операций для более позднего и более важного мирового наступления. В этом плане большевистская партия считала себя ядром мировой революционной партии. II Интернационал до войны представлял из себя наиболее важное интернациональное революционное движение. Но составные части II Интернационала — социал-демократические партии в разных странах — своей национальной позицией по отношению к войне уничтожили право II Интернационала возглавлять мировую революцию. Сохраняя свою верность интернационализму, большевики могли избрать лишь один путь: основать новое мировое революционное движение. Это и было сделано.

В то время, когда Вильсон и Ллойд Джордж пытались примирить оппозиционные силы в России, Ленин и Троцкий напечатали приглашения коммунистам всех стран послать делегатов в Россию для участия в Конгрессе по организации Коммунистического Интернационала. Этот Конгресс состоялся в Петрограде и Москве в 1919 г. Однако, только на втором Конгрессе, состоявшемся в Москве в 1920 г., организация Третьего или Коммунистического Интернационала стала приобретать отчётливую форму. Цели и методы были разработаны во многих деталях.

Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала стал штабквартирой мировой революции. Российская Коммунистическая Партия, которая сменила теоретиче-

скую «диктатуру пролетариата» в контроле над Советским государством, стала одной из частей Интернационала и логично предположить, что политика Советского правительства должна быть подчинена политике Интернационала. Последние события подтверждают правильность этого предположения. В течение первых лет существования Коммунистического Интернационала его политика часто пересекалась с политикой Советского правительства. Казалось, что мировая революция уже в руках и советские лидеры готовы были поставить на неё всё. Российская Красная Армия явно была готова к коммунистическому крестовому походу в Европу.

Время шло, а мировая революция всё ещё была в состоянии неопределённости. Домашние проблемы становились более настоятельными и требовали решения. Фантазеры, подобные Троцкому, советовали русским людям «затянуть пояса», но рядовые большевики требовали адекватных ассигнований на домашние нужды до того, как тратить деньги за границей. НЭП — Новая Экономическая Политика — была запущена. Этот план ставил целью сбалансированный бюджет, капитуляцию перед капиталистической экономикой.

Неудача генеральной забастовки в Англии в 1925 г., уход китайских коммунистов от коммунистического контроля в 1927 г. породили в России серьезные сомнения в приближении мировой революции. Вместе с растущим сознанием стабильности Советского государства шло более или менее общее понимание того, что капиталистические государства возможно более прочные, чем можно было бы предполагать. Ударение было перенесено с попытки расстроить планы за рубежом на укрепление стабильности Советского отечества. Для достижения этого — одна из первых задач — увеличение производительной способности страны. Был введён в действие первый пятилетний план. Хотя он не был полностью выполнен, достижения этого плана представляли значительный прогресс для российской индустрии.

Эта домашняя продуктивная программа напрямую зависела от поддержания международного мира. Далеко идущие изменения появились в советской внешней политике. С Генуэзской конференции 1922 г. советское правительство выражает готовность вести переговоры с капиталистическими силами, но Союз Советских Республик не занял своё место в семье наций. Советские лидеры противопоставляли свои «искренние» попытки укрепления мирового порядка — «лицемерным» и буржуазным методам Лиги Наций. Что касается отношений с отдельными странами, то Россия со времени Рапальского договора (1922) поддерживала хорошие отношения с Германией, играя на различиях Германии с другими великими державами. Великобритания и Франция чередуются в роли архиврагов советского государства. Страстно стремятся к награде американского признания, с американскими гражданами установлены обширные коммерческие отношения. В 1933 г. в связи с тем, что власть Гитлера в Германии достигала головокружительной высоты, в советской внешней политике произошла подлинная революция. Традиции (если можно их так назвать) дружбы с Германией были

отброшены. Последовало сближение с Францией. Конечно, пока рано говорить сколь долго будет отвергнута Германия и сколь долго продлится близость с Францией. Однако, недавние докладчики по французскому бюджету отметили в Палате депутатов существование договорённостей с Россией⁷⁹. Можно напомнить, что первый франко-русский союз был открыт публике точно таким же манером.

Кульминацией дипломатической революции стало вхождение в Лигу Наций (1934). Это событие — квадратура круга — не имеет смысла, если не посмотреть на него с точки зрения патриотизма. Коммунистические интернационалисты, спонсоры мировой революции, разделили судьбу с буржуазными интернационалистами. Но Лига Наций — лига национальных государств и, присоединяясь к ней, Советский Союз, по крайней мере поверхностно, должен был отвергнуть идею мировой организации, основанной на классе, ради идеи мировой организации, основанной на национальности.

Коммунистический Интернационал всё ещё существует; он остаётся как институциональная манифестация интернациональной организации, основанной на верховенстве пролетариата. Присоединяясь к Лиге, Советский Союз не отверг Коммунистический интернационал. Лига допустила Советскую Россию к членству как национальное государство. Парадокс очевиден.

IV

Мы видели, что с началом первого пятилетнего плана необходимость увеличения продуктивности страны была подчёркнута. Ранее НЭП представлял собой явные уступки капиталистической экономике на всех фронтах, в частности, в смысле не только разрешения, но и усиления частной и индивидуальной инициативы. Новая программа, которая воплощена в пятилетнем плане была возвращением к теориям Ленина и других большевистских лидеров, стремившихся к уничтожению индивидуальности и к социализации русской жизни во всех её проявлениях.

Одна из первых целей в борьбе большевиков против «буржуазных» демократов было уничтожение частной собственности на средства производства, как сельскохозяйственного, так и промышленного. Было непросто совладать с индустриальным аспектом этой проблемы. Рабочий контроль, введённый несколькими неделями спустя после взятия власти большевиками в 1917 г., был только половинчатой мерой, за которой в 1918 г. последовало стремительная национализация индустрии. Индустриализация, однако, первоначально понималась рабочими в различных отраслях индустрии как превращение фабрик в коммуны под контролем рабочих. Национальное планирование для них ничего не значило. Они были бы удовлетворены, если бы могли выживать с помощью своих маленьких индустриальных коммун. Потребовалось более десяти лет НЭПа и первого пятилетнего плана, чтобы что-то

похожее на национальную точку зрения распространилось среди рядовых индустриальных рабочих. Наконец, однако, система государственного социализма — или государственного капитализм, как предпочтёт читатель, сменила более ранний режим анархического коммунизма.

Проблема сельскохозяйственной социализации в чём-то похожа. Ранее (в 1918 г.) произошёл раздел всех имеющихся земель. Эта реформа, фактически, вела к установлению режима маленьких ферм, которые расцвели по всей России, особенно в период НЭПа (1921–1927). Реакция правительства была более медленной, чем в случае социализации промышленности, но, когда она пришла, то была ещё более крутой. Она приняла форму насильственной революции сверху. Начавшись в 1929 г., она ставила целью насильственную коллективизацию, основанную на принципе безжалостного уничтожения кулака как класса. Это движение имело столь важное значение, что оно заслуженно называется «Третьей революцией». Собственность была конфискована, несколько сот тысяч крестьянских семей были изгнаны в Северную Россию или Сибирь, и приблизительно половина домашнего скота в стране погибло. Последнее частью было следствием озлобления кулаков, а частью — следствием невежества и неосторожности новых руководителей. Дело кончилось страшным голодом 1932–1933 гг.⁸⁰ Правительство оставалось победоносным на поле битвы, но ущерб, нанесённый российской экономической жизни, не мог быть легко исцелён. Промышленное производство постоянно увеличивалось, в то время как сельскохозяйственное тащилось далеко позади. Трудно определить то время, когда удастся скоординировать эти фундаментальные аспекты экономической жизни.

Одного нового аппарата управления мало. Согласно большевистской теории должны быть созданы новые умы и новые люди. Для государства недостаточно направлять активность своих граждан, оно должно поглотить их. В известном смысле это возрождение греческой политической теории. Как пишет профессор Маклвейн: «Разум государства и разум его жителей идентичны — макрокосм и микрокосм»⁸¹. Но тогда как Платон и Аристотель рассматривали маленькие города-государства, большевики видели индустриального Левиафана. Должна быть установлена система всеобщей воинской повинности. Индивид должен вкладывать свою психическую энергию в индустриальное развитие государства и военное обучение для обороны государства. Его разум принадлежит государству, также как и «диалектический материализм» — основа новой государственной философии — должен быть основой его действий.

Большевистская партия — это не только политический институт. Поскольку коммунизм — государственная религия — партию можно сравнить с религиозным орденом; иезуиты, пожалуй, самая близкая параллель. Большевистская религия — извращённая, религия без бога, и партия — атеистический религиозный орден, но тот же дух фанатизма, который был движущей силой иезуитов, характерен и для большевиков. Цель большевистской

партии не только установление нового политического и экономического порядка, но и полная духовная трансформация человечества.

Это предполагает, что материалистическая философия заменяет теологическую догму в образовании юных россиян. Подобно тому, как при имперском режиме от мальчиков и девочек требовали изучения церковного катехизиса — сборника догм греческой церкви — так мальчики и девочки Советской России должны сдавать свои экзамены по политграмоте (или политической грамматике) — сборнику догм большевистского коммунизма. Существует много руководств по политической грамоте, на которых основано обучение этой догме, но понять из них, что это за догма — нелегко. Мы легко узнаем, конечно, что она называется «диалектический материализм». Но каковы принципы этой концепции? Студенты должны изучать дефиниции учебных книг сердцем, но мудрые люди большевистской партии спорят между собой о значении этих дефиниций. То, что было обоснованным вчера — сегодня уже ересь.

Бухарин, некогда признанный в качестве главного толкователя официальной теологии, позже был обвинён в ереси. Деборин, Адоратский и другие из философской иерархии соперничают за место когда-то занятое Бухариным. Характерно, что издатели Большой Советской Энциклопедии до настоящего времени не могут создать том, в котором должна появиться статья о диалектическом материализме⁸².

В России несколько школ марксистской философии, которые не могут найти общей основы для веры. Бухаринскую интерпретацию называют скорее «механистической», чем «диалектическим» материализмом. Бухарин обвиняет Деборина и других в проповедовании доктрины скорее диалектического «идеализма», чем «материализма». А у нас ещё есть Бердяева — глас вопиющего в пустыне эмигрантского лагеря, что советскую философию следует называть скорее хилозоизмом, чем материализмом⁸³. Это знаменательный факт, что столь значительное внимание привлечено к философским дефинициям. Согласно классической марксистской догме «бытие» более важная вещь, чем «сознание». Почему, в таком случае, неомарксисты пытаются столь страстно созидать «дефиниции», которые скорее принадлежат к царству «сознания», чем «бытия»? Есть одно широкое поле, в котором влияние «диамата» (как называют диалектический материализм) ощущается напрямую. Можно категорически утверждать, что в социальных науках нет свободы для объективного исследования. Мы можем ожидать другой позиции относительно более «чистых» наук. Но, согласно Бердяеву, некоторые «диаматчики» объявили, что квантовая теория Эйнштейна и Планка — буржуазная и реакционная⁸⁴. Но с догматической стороны возможен вопрос, а насколько успешны большевики в своей борьбе против индивидуализма? В экономической сфере это должно быть признано. К концу 1933 г. последние следы кулацкой жизни были уничтожены. Национальное планирование вытеснило спорадическую частную инициативу.

Но по-прежнему приходится идти на уступки живучести индивидуальных чувств. Индивидуальным членам колхозов разрешено иметь одну корову и определённое количество

цыпляют для своих нужд. В промышленной сфере признано необходимым создать новые стимулы, которые заменят прежний принцип выгоды. Частичная оплата труда и модифицированная бонусная система введены на многих советских фабриках с 1930 г. Предложены также и менее осязаемые вознаграждения. Лучший рабочий в качестве награды получит диплом «героя труда». Он даже может даже получить награду в виде советского ордена: Красного Знамени или Ордена Ленина. Для большей публичности эти награды дают принародно. Подобно тому, как в Красной Армии всё время апеллируют к патриотизму солдата и к его персональной чести, так апеллируют и к армии советских рабочих. Уступки индивидуальным чувствам очевидны даже в малых вещах. Нередко можно найти на титульном листе книги не только имя автора, но и имена пресс мастера, корректоров, печатника и переплётчика. Хотя в общей схеме полной социализации такие уступки и невинны, но и они имеют своё значение.

Пожалуй, более значимо растущая и распространяющаяся тяга рядовых граждан к более комфортабельной (что в реальности значит и более «буржуазной») жизни. Американские журналисты сообщают о заметных изменениях в последний год относительно желания лучшей еды и одежды. Это происходит отчасти от того, что сейчас больше доступно потребительских товаров, чем прежде и отчасти из-за определённой тоски по таким товарам. Шелковые чулки и румяна возвещают о новом женском индивидуализме в России.

Другая точка противоречий между официальными теориями и реальной жизнью может быть упомянута кратко. Официальной целью является бесклассовое общество. В реальности после семнадцати лет большевистского контроля, классовая дифференциация всё ещё существует. После освободительного акта 1861 г. в России обозначилась тенденция в сторону правового равенства всех граждан и ликвидации классовых привилегий. Такое равенство было фактически провозглашено Временным правительством в марте 1917 г.

Советская конституция, с другой стороны, делает резкое различие, по крайней мере, между двумя классами: трудящимися и нетрудящимися. На практике эти две крупнейшие группы имеют внутреннее деление, и уровень классовой дифференциации чувствуется в таких материальных вещах, как пищевой рацион. В то время как оппозиционные классы, такие как кулаки, были безжалостно истреблены, члены Коммунистической Партии приобрели привилегии новой аристократии.

V

Возможно, еще рано составлять балансовую ведомость коммунизма в России. Но уже можно суммировать некоторые очевидные черты коммунистической жизни. Одна из наиболее характерных этих черт — существование многих парадоксов типа тех, что мы обсуждали. Не только иностранцы, но сами русские затрудняются точно определить, что будет дальше с тем или иным аспектом советской жизни.

Достижения большевиков неоспоримы. Российская промышленность в процессе пятилетнего плана достигла гигантских успехов. Построены фабрики огромных размеров и великой продуктивной способности. Промышленность высокого уровня распространяется в новых регионах, таких как Западная Сибирь и Казахстан. Производство значительно выросло с 1917 г. Хотя качество не всегда на таком высоком уровне, как количество, в дальнейшем будут значительные улучшения на этот счёт. Новые благоприятные условия были предоставлены для технических и научных исследований. Советское правительство финансово в гораздо более слабой позиции, чем другие правительства. Тем не менее, благодаря силе своего универсального контроля как над промышленностью, так и над сельским хозяйством, оно способно применять научные методы решения экономических и технических проблем в гораздо более широком масштабе, чем это было возможно в императорской России или возможно где бы то ни было сегодня.

Нет необходимости продолжать этот каталог достижений. Достаточно было подчеркнуть растущий успех на многих различных фронтах. Но история большевистских достижений — не устойчивый прогресс, основанный на гуманистическом либерализме. Это история насильственных методов, применяемых для выполнения широкого эксперимента. Цена платы за этот эксперимент чудовищна. Два голода: 1920–1921 гг. и 1932–1933 гг. вызвали столько смертей, сколько вся Россия потеряла в Первую мировую войну и гражданскую войну вместе и, возможно, столько, сколько общие потери всех сторон в Мировой войне. В своей войне с «классовым врагом» Советское государство отняло жизни огромного количества людей, как экзекуциями, так и нуждой, которая сопровождала изгнание. Уже упоминалось антикулацкое движение 1929–1930 гг. Во время стресса правительство кажется буквально охваченным манией страха. Тогда даже драгоценные учёные и инженеры не имеют иммунитета, как это наблюдалось во время саботажных процессов несколько лет назад.

Разрушение собственности вело к обнищанию страны, не очень-то богатой и в лучшие времена. Ни одна страна не может позволить себе потерять половину поголовья скота одним ударом. Но почти точно это и случилось в России во времена насильственной коллективизации. Потеря жизни и разрушение имущества — сами по себе тяжёлая плата. Но русские люди перенесли и менее уловимы потери в форме политических прав и свобод. Для будущего страны значение таких потерь очень велико.

Не является ли плата слишком великой, даже если будущие достижения добавятся к тому, что уже достигнуто? Был бы прогресс России стабильным и уверенным при демократическом режиме? Даже в течение декады перед Первой мировой войной — декады очень умеренного конституционализма — были также заметные достижения — как культурные, так и экономические. И социальная структура не была разрушена в процессе их приобретения.

Представляется, что жестокие революции характерны для российского развития. Историк лет сто назад мог бы успешно сравнить настоящий период с временем Петра Ве-

ликого. Методы Петра были не менее жестокими, чем методы большевистских лидеров. Он старался ускорить темпы индустриального роста страны. Он признавал важность технических исследований и использовал их под жестким государственным контролем. Советское вовлечение всех граждан в службу государству имеет точную копию в петровские времена.

Постепенно различные группы добивались успеха в освобождении себя от петровских повинностей. В 1762 г. нобилитет был освобождён от обязательной службы. В 1785 г. эти привилегии были подтверждены Екатериной II, которая распространила некоторые права на купцов. Гражданские права были распространены Александром I на всех, кроме крепостных крестьян. Крепостные крестьяне были освобождены в 1861 г., а в 1906 г. они достигли статуса полностью самостоятельных граждан, когда ограничения, связывавшие их с сельской общиной, были отменены. Затем был проведён эксперимент с представительным правлением — Думой. И в марте 1917 г. появилось первое демократическое российское правительство. Были гарантированы гражданские права и индивидуальные свободы. Но в Ноябре новая революция уничтожила хрупкое молодое деревце российской свободы. Россия вернулась к петровскому типу авторитарной государственности.

Необходимо ли для России пройти другой длительный период роста, пока все граждане советского государства достигнут политических привилегий, которые были так близко к русским людям летом 1917 г.? Или эта цель будет достигнута более быстро в эти времена быстрых темпов?

¹ Columbia University. The Butler Library Bakhmeteff Archives (далее — BAR). George Vernadsky Papers (далее — GVP). Vox. 96. F. 3. Arranged Manuscripts. Articles. Books. Essays.

² Г. В. Вернадский — В. И. Вернадскому. 20 августа 1919 г.; п.о. Кореиз, имени гр[афини] Паниной «Гаспра». См.: Из эпистолярного наследия В. И. и Г. В. Вернадских // В. И. Вернадский и Крым: люди, места, события / Н. В. Багров, В. Г. Ена, В. В. Лавров [и др.]; публ. подгот. В. В. Лавров. Киев, 2004. С. 239–241.

³ Halperin Ch. J. Russia and the Steppe: George Vernadsky and Eurasianism // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Band 36. Otto Harrassowitz, Wiesbaden, 1985. S. 173.

⁴ Вернадский Г. В. История России. М., 1998. С. 6.

⁵ Kerner R. J. Review of G. Vernadsky A History of Russia (1929) // The American Historical Review. Vol. 35. 1930. № 3. Apr. P. 621. — См. его же рецензию: Slavonic and East European Review. 1930. № 8. P. 725.

⁶ Clarkson J. D. Review of G. Vernadsky A History of Russia (1929) // The Journal of Modern History. Vol. 1. 1929. № 4. Dec. P. 663.

⁷ Atkins P. M. Review of G. Vernadsky A History of Russia (1929) // Social Science. Vol. 6. 1931. № 3. July. P. 329.

⁸ Penson J. H. Review of G. Vernadsky A History of Russia (1929) // Journal of the Royal Institute of International Affairs. Vol. 9. 1930. № 3. May P. 413.

- ⁹ Clough S. B. Review of G. Vernadsky A History of Russia (1930) // Annals of the American Academy of Political and Social Science. Vol. 154. The Insecurity of Industry. 1931. Mar. P. 191.
- ¹⁰ Vernadsky G. Russia Today. Reviews of new books // Yale Review. Vol. 17. № 3. 1929. March. P. 612–613.
- ¹¹ BAR. GVP. Vox. 110. Arranged Manuscripts, Notes of G. Vernadsky.
- ¹² Vernadsky G. Lenin. Red Dictator. New Haven, 1931.
- ¹³ Георгий Вернадский. Ленин — красный диктатор. М., 1998.
- ¹⁴ Halperin Ch. J. Russia and the Steppe... P. 174–175.
- ¹⁵ Вернадский Г. В. Ленин — красный диктатор. М., 1998. С. 133–134.
- ¹⁶ Там же. С. 135–136.
- ¹⁷ Там же. С. 143–144.
- ¹⁸ Там же. С. 156.
- ¹⁹ Соболев Г. Л. Тайный союзник. Русская революция и Германия. 1914–1918. СПб., 2009. С. 469.
- ²⁰ Соболев Г. Л. Тайна «немецкого золота». СПб.; М., 2002. С. 161
- ²¹ Kerner R. J. Review of G. Vernadsky Lenin. Red Dictator // The American Historical Review. Vol. 37. 1932. № 2. Jan. P. 343–345; Clarkson J. D. Review of G. Vernadsky Lenin. Red Dictator // The Journal of Modern History. Vol. 4. № 1 1932. Mar. P. 151–152.
- ²² Vera Micheles Dean. Review of new books // The American Political Science Review. Vol. 25. 1931. № 4. Nov. P. 1075–1076.
- ²³ Это отметил в своей рецензии Дж. Пенсон: Lenin: Red Dictator by George Vernadsky; The Teachings of Karl Marx by V. I. Lenin // International Affairs (Royal Institute of International Affairs 1931–1939). Vol. 10. 1931. № 4. Jul. P. 566.
- ²⁴ Mirsky D. S. Lenin. Boston, 1931. Pp. Xi, 236.
- ²⁵ Halperin Ch. J. Russia and the Steppe... P. 175.
- ²⁶ BAR. GVP. Vox. 97. F. 1. Arranged Manuscripts, Articles, Books, Essays.
- ²⁷ Вернадский Г. В. Заметки о Ленине: Учение Ленина об империализме и политика Коминтерна // Утверждение евразийцев. Кн. 7: Тридцатые годы. Париж, 1931. С. 115–122.
- ²⁸ Vernadsky G. Russian Interests in Mongolia and Manchuria // Proceedings of the Institute for International Relations Sixth (San Francisco Bay) Session. Berkeley, 1930. P. 168–173.
- ²⁹ Vernadsky G. The Russian Revolution, 1917–1931. New York, 1932.
- ³⁰ Вернадский Г. В. Опыт истории Евразии. Звенья русской культуры . М., 2005. С. 96–98.
- ³¹ Там же. С. 100.
- ³² Там же. С. 104–105.
- ³³ BAR. GVP. B. 99. Arranged Manuscripts. Articles. Books. Essays.
- ³⁴ Vernadsky G. Political and Diplomatic History of Russia. Boston, 1936.
- ³⁵ Bunyan J. Review G. Vernadsky Political and Diplomatic History of Russia (1936) // The American Historical Review. Vol. 42. 1937. № 4. Jul. P. 708–709.
- ³⁶ Michael Karpovich review of G. Vernadsky Political and Diplomatic History of Russia (1936) // Yale Review. Vol. 26. 1936. № 1. September. P. 183–184.
- ³⁷ См. об этом споре: Charles J. Halperin. Russia and the Steppe... P. 80–81.
- ³⁸ Vernadsky G. More Books on Russia. Reviews of new books // Yale Review. Vol. 21. 1932. № 3. March. P. 619–623.
- ³⁹ Vernadsky G. Review Bruce Hopper. Pan Sovietism: The Issue Before America and the World // Slavonic and East European Review. 1932. № 10. P. 721–723.

- ⁴⁰ Vernadsky G. 1) European Trouble Zone // Yale Review. Vol. 29.1940. P. 248–272; 2) A Review of Russian Policy// Ibid. Vol. 31. 1942. P. 514–533.
- ⁴¹ Halperin Ch. J. Russia and the Steppe... P. 178.
- ⁴² См. о нем: Дворниченко А. Ю. Владимир Васильевич Мавродин. Страницы жизни и творчества. СПб., 2001.
- ⁴³ BAR. GVP. B. 98. Arranged Manuscripts. F. 8. Из воспоминаний Г. В. Вернадского.
- ⁴⁴ Ibid. B. 55. Arranged Correspondence. Letters to Georges and Nina Vernadsky.
- ⁴⁵ Ibid. B. 154. Subject Files.
- ⁴⁶ Ibid. B. 102. Arranged Manuscripts.
- ⁴⁷ Ibid. B. 101. Arranged Manuscripts. F. 2. P. 5.
- ⁴⁸ Halperin Ch. J. Russia and the Steppe: George Vernadsky and Eurasianism... P. 84.
- ⁴⁹ BAR. GVP. B. 168. Subject Files. F. 2–3
- ⁵⁰ Ibid. B. 168. Subject Files. F. 4.
- ⁵¹ Stuff Officers School for Atlantic Studies.
- ⁵² Vernadsky G. Le Patriarhe Russe // Renaissance. II/III. New York, 1945. P. 437–445.
- ⁵³ BAR. GVP. Box. 99. Arranged Manuscripts, Articles, Books, Essays.
- ⁵⁴ Halperin Ch. J. Russia and the Steppe... P. 179.
- ⁵⁵ BAR. GVP. Box. 96. Arranged Manuscripts, Articles, Books, Essays.
- ⁵⁶ Vernadsky G. A History of Russia. New revised Edition. Philadelphia, 1944. P. vi.
- ⁵⁷ Ibid. P. 368–371; 380–381.
- ⁵⁸ BAR. GVP. Box. 3. Cataloged Correspondence.
- ⁵⁹ Что ж, и другие умные люди, включая А. И. Солженицына, были уверены в нерушимости единства России и Украины! Взглядам Г. В. Вернадского на историю Украины и украинский вопрос я посвятил отдельную работу: Дворниченко А. Ю. Г. В. Вернадский об Украине и украинском вопросе (в печати).
- ⁶⁰ BAR. GVP. Box. 96. Arranged Manuscripts, Articles, Books, Essays.
- ⁶¹ Vernadsky G. Trends in Soviet Foreign Policy// Yale Review. Vol. 33. 1944. P. 699–720.
- ⁶² Vernadsky G. Russia's Place in the World, 1861–1945 // Pacific Historical Review. Vol. 14. 1945. № 3. Sep. P. 275–289.
- ⁶³ Vernadsky G. Towards an Understanding of Russia. Review of recent books // Yale Review. Vol. 35. № 4. 1946. June. P. 183–184.
- ⁶⁴ BAR. GVP. B. 101. Arranged Manuscripts. F. 1.
- ⁶⁵ Vernadsky G. Review Foster Rhea Dulles The Road to Teheran: The Story of Russia and America 1871–1943 (1944) // Political Science Quarterly. Vol. 59. 1944. P. 453–454.
- ⁶⁶ Halperin Ch. J. Russia and the Steppe... P. 181.
- ⁶⁷ Ibid. P. 182.
- ⁶⁸ Ibid.
- ⁶⁹ Yale Prof Says: Russian Emphasis on Science Not a New Trend. George Vernadsky Completes Fourth Volume in History Series // New Haven Register. 1959. November 1. P. 15.
- ⁷⁰ BAR. GVP. Box. 96. F. 3. Arranged Manuscripts, Articles, Books, Essays.
- ⁷¹ Вернадский Г. В. История России. М., 1998. С. 439.
- ⁷² Там же. С. 481.
- ⁷³ William Appleman Williams. The Tragedy of American Diplomacy. New York, 1959.
- ⁷⁴ Anne Applebaum. Iron Curtain. The Crushing of Eastern Europe 1944–56. London, 2013. P. xxx–xxxii, 44, 205, etc.

⁷⁵ Вернадский Г. В. История России... С. 486–487, 490–491, 496 и др.

⁷⁶ Там же. С. 508.

⁷⁷ Машинопись на английском языке. Хранится в Бахметьевском архиве (BAR. GVP. В. 99. Arranged Manuscripts. Articles. Books. Essays). Есть еще один экземпляр статьи (BAR. GVP. В. 79. Arranged Correspondens. Letters to Georg and Nina Vernadsky). Manuscripts. Articles. Books. Essays) На первой странице в левом углу есть запись карандашом рукой Г. В. Вернадского: «Эта статья была заказана для Yale Review в 1934 г. Но потом не принята». Других отличий от варианта в В. 99 не выявлено. Перевод мой. Хочу от всей души поблагодарить куратора Бахметьевского архива Татьяну Чеботарефф за предоставленную возможность опубликования данной статьи.

⁷⁸ На ранних стадиях революции Советы (Councils) рабочих и солдат прямо не отождествлялись с большевистской партией. Только позже большевики стали полностью доминировать в Советах.

⁷⁹ См.: New York Times, ноябрь 1934 г.

⁸⁰ В интервью прессе весной 1930 г. я обращал внимание на опасность голода как результате антикулацкого движения.

⁸¹ McIlwain C. H. The Growth of Political Thought in the West. N.Y, 1932. P. 10.

⁸² На русском языке: Диалектический Материализм (здесь у Г. В. транслитерация — А. Д.) Том (22-й), в котором эта статья должна появиться не был ещё получен библиотекой Йельского университета.

⁸³ Пусть читатель не старается понять, что значит это изобилие терминологии. Для настоящей цели достаточно отметить факт, что марксистские философы таким способом хотят себя обезопасить.

⁸⁴ Berdjev N. The General Line of Soviet Philosophy in his End of our time. P. 240.

УДК 93/94(47).084

Дворниченко А. Ю. Георгий Вернадский о советской России (к публикации статьи Г. В. Вернадского «Парадоксы большевизма») // Новейшая история России. 2015. № 2 (13). С. 101–132.

АННОТАЦИЯ: В статье рассмотрены взгляды на советский период российской истории крупнейшего историка русского зарубежья Г. В. Вернадского (1927–1973). Пройдя долгий и трудный путь эмиграции от Симферополя и Стамбула до Афин и Праги, он затем обосновался в Йельском университете (Нью Хейвен, США), где и трудился до самой смерти. По своей основной области интересов Г. В. Вернадский был специалистом в области древней и средневековой истории России, но в 30-е – 50-е гг. XX столетия неоднократно обращался к теме новейшей истории России. Анализируя взгляды историка, автор статьи привлекает широкий круг источников. Особый интерес представляют документы из Бахметьевского архива Батлеровской библиотеки Колумбийского университета (Нью Йорк, США). Изучены исторические труды Г. В. Вернадского, его рецензии, рецензии на его работы, письма, лекции, прочитанные в разных университетах США. Важнейший вывод, который сделан в статье: взгляды историка на новейшую историю России менялись во времени. Показана динамика и характер этих изменений, при этом подчеркивается, что неизменным оставалось представление о советском времени как об особом периоде, но при этом закономерном продолжении «дореволюционной» России. Публикуется статья Г. В. Вернадского «Парадоксы большевизма».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Г. В. Вернадский, история, советская Россия, Советский Союз, парадоксы большевизма.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России с древнейших времен до XX века, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); a.dvornichenko@spbu.ru

Dvornichenko A. Yu. George Vernadsky about Soviet Russia (for publication of the article by G. V. Vernadsky "Paradoxes of Bolshevism")

ABSTRACT: The article discusses the views on the Soviet period of Russian history of major historian of the Russian Diaspora — G. V. Vernadsky. After a long and arduous journey of emigration from Simferopol to Istanbul, Athens and Prague, he then settled at Yale University (New Haven, USA), where he had been worked until his death (1927–1973). Vernadsky was a specialist in the field of ancient and medieval history of Russia, but in the 30– to 50-ies of 20th century have repeatedly raised the issues of Russia's recent history. Analyzing the views of the historian, the author of the article mobilize a wide range of sources. Of particular interest are the documents from the Bakhmeteff archive of Butler library at Columbia University (New York, USA). The author studied historical works Vernadsky, his reviews, reviews of his works, letters, lectures in various universities in the USA. The most important conclusion, which is made in the article: through the eyes of the historian, in recent history Russia has changed over time. The . author shows the dynamics and nature of these changes, and emphasize that remained unchanged view of Soviet time as a specific period, but the logical continuation of pre-revolution Russia. The article by G. V. Vernadsky «Paradoxes of Bolshevism» is published here.

KEYWORDS: G. V. Vernadsky, a history of Soviet Russia, the Soviet Union, the paradoxes of Bolshevism.

AUTHOR: Doctor of History, Professor, Head of chair of Russian history from ancient times to the XXth century, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); a.dvornichenko@spbu.ru

REFERENCES:

- ¹ V. I. Vernadskij i Krym: lyudi, mesta, sobytiya, Ed. V. V. Lavrov (Kiev, 2004).
- ² Halperin C. J. 'Russia and the Steppe: George Vernadsky and Eurasianism' in *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*, Band 36 (Wiesbaden, 1985).
- ³ Vernadskij G. V. *Istoriya Rossii* (Moscow, 1998).
- ⁴ Kerner R. J. 'Review of G. Vernadsky A History of Russia (1929)' in *The American Historical Review*, Vol. 35, № 3 (Washington, 1930)
- ⁵ Kerner R. J. 'Review of G. Vernadsky A History of Russia (1929)' in *Slavonic and East European Review*, № 8 (London, 1930).
- ⁶ Clarkson J. D. 'Review of G. Vernadsky A History of Russia (1929)' in *The Journal of Modern History*, Vol. 1, No. 4 (Chicago, 1929).
- ⁷ Atkins P. M. 'Review of G. Vernadsky A History of Russia (1929)' in *Social Science*, Vol. 6, No. 3 (Oxford, 1931).
- ⁸ Penson J. H. 'Review of G. Vernadsky A History of Russia (1929)' in *Journal of the Royal Institute of International Affairs*, Vol. 9, No. 3 (London, 1930)
- ⁹ Clough S. B. 'Review of G. Vernadsky A History of Russia (1930)' in *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, Vol. 154, The Insecurity of Industry (Pennsylvania, 1931).
- ¹⁰ Vernadsky G. 'Russia Today. Reviews of new books' in *Yale Review*, Vol. 17, No. 3 (New Haven, 1929).
- ¹¹ Vernadsky G. *Lenin. Red Dictator* (New Haven, 1931).
- ¹² Vernadskij G. *Lenin – krasnyj diktator* (Moscow, 1998).
- ¹³ Sobolev G. L. *Tajna «nemetskogo zolota»* (St. Petersburg, Moscow, 2002)
- ¹⁴ Sobolev G. L. *Tajnyj sojuznik. Russkaya revolyutsiya i Germaniya. 1914 – 1918* (St. Petersburg, 2009).
- ¹⁵ Kerner R. J. 'Review of G. Vernadsky Lenin. Red Dictator' in *The American Historical Review*, Vol. 37, No. 2 (Washington, 1932).

- ¹⁶ Clarkson J. D. 'Review of G. Vernadsky Lenin. Red Dictator' in *The Journal of Modern History*, Vol. 4, No. 1 (Chicago, 1932).
- ¹⁷ Dean V. M. 'Review of new books' in *The American Political Science Review*, Vol. 25, No. 4 (Cambridge, 1931).
- ¹⁸ Penson J. 'Lenin: Red Dictator by George Vernadsky; The Teachings of Karl Marx by V. I. Lenin' in *Journal Royal Institute of International Affairs*, Vol. 10, No. 4 (London, 1931).
- ¹⁹ Mirsky D. S. *Lenin* (Boston, 1931).
- ²⁰ Vernadskij G. V. 'Zametki o Lenine: Uchenie Lenina ob imperializme i politika Kominterna' in *Utverzhdenie evrazijtsev*, Book 7: *Tritsatsye gody* (Paris, 1931).
- ²¹ Vernadsky G. 'Russian Interests in Mongolia and Manchuria' in *Proceedings of the Institute for International Relations Sixth (San Francisco Bay) Session* (Berkeley, 1930).
- ²² Vernadsky G. *The Russian Revolution, 1917 – 1931* (New York, 1932).
- ²³ Vernadskiy G. V. *Opyt istorii Evrazii. Zven'ya russkoy kul'tury* (Moscow, 2005).
- ²⁴ Vernadsky G. *Political and Diplomatic History of Russia* (Boston, 1936).
- ²⁵ Bunyan J. 'Review G. Vernadsky Political and Diplomatic History of Russia (1936)' in *The American Historical Review*, Vol. 42, No. 4 (Washington, 1937).
- ²⁶ Karpovich M. 'Review of G. Vernadsky Political and Diplomatic History of Russia (1936)' in *Yale Review*, Vol. 26, No. 1. (New Haven, 1936).
- ²⁷ Vernadsky G. 'More Books on Russia. Reviews of new books' in *Yale Review*, Vol. 21, No. 3. (New Haven, 1932).
- ²⁸ Vernadsky G. 'Review Bruce Hopper. Pan Sovietism: The Issue Before America and the World' in *Slavonic and East European Review*, No.10 (London, 1932).
- ²⁹ Vernadsky G. 'European Trouble Zone' in *Yale Review*, Vol. 29 (New Haven, 1940).
- ³⁰ Vernadsky G. 'A Review of Russian Policy' in *Yale Review*, Vol. 31 (New Haven, 1942).
- ³¹ Dvornichenko A.Yu. *Vladimir Vasil'evich Mavrodin. Stranitsy zhizni i tvorchestva* (St. Petersburg, 2001).
- ³² Vernadsky G. 'Le Patriarhe Russe' in *Renaissance. II/III* (New York, 1945).
- ³³ Vernadsky G. *A History of Russia. New revised Edition* (Philadelphia, 1944).
- ³⁴ Vernadsky G. 'Trends in Soviet Foreign Policy' in *Yale Review*, Vol. 33 (New Haven, 1944).
- ³⁵ Vernadsky G. 'Russia's Place in the World, 1861 – 1945' in *Pacific Historical Review*, Vol. 14, No. 3 (Berkeley, 1945).
- ³⁶ Vernadsky G. 'Towards an Understanding of Russia. Review of recent books' in *Yale Review*, Vol. 35, No. 4 (New Haven, 1946).
- ³⁷ Vernadsky G. 'Review Foster Rhea Dulles The Road to Teheran: The Story of Russia and America 1871–1943 (1944)' in *Political Science Quarterly*, Vol. 59 (New York, 1944).
- ³⁸ 'Yale Prof Says: Russian Emphasis on Science Not a New Trend. George Vernadsky Completes Fourth Volume in History Series' in *New Haven Register*, November 1 (New Haven, 1959).
- ³⁹ Williams W. A. *The Tragedy of American Diplomacy* (New York, 1959).
- ⁴⁰ Applebaum A. *Iron Curtain. The Crushing of Eastern Europe 1944–5* (London, 2013).